

Шэнь Нянь толкнул дверь и вошел в комнату. В этот самый миг дребезжащее жужжание старого, давно не видевшего ремонта настольного вентилятора начало затихать. Взглянув на замедляющиеся лопасти, он попутно щелкнул выключателем. Света не было.

Опять отключили электричество.

На письменном столе лежала контрольная по физике — оставалась всего одна, последняя задача. Шэнь Нянь подошел ближе и решил все-таки с ней закончить.

К тому времени, как он вывел ответ, за окном уже зашумели соседи. С улицы доносился разноголосый гул: обитатели переулка на все лады костерили коммунальщиков за очередной сбой, сокрушаясь, что в такое пекло просто невозможно выжить.

И то правда — по прогнозу обещали тридцать девять градусов. Настоящий ад.

В Тростниковом переулке — зажатом среди высоток полуразрушенном кварталчике, где жил Шэнь Нянь, — перебои со светом стали делом привычным. Половину недели приходилось сидеть впотьмах. Электрики разводили руками: заброшенный завод на задах переулка наконец продали, новый владелец запустил производство и выхлопотал под свои нужды отдельный трансформатор. Оставшаяся сеть просто не справлялась с нагрузкой. Решить проблему мог бы еще один трансформатор, но для этого требовалось подать заявку руководству, дожидаться одобрения, а уж потом...

А когда это «потом» наступит — бог весть. Вот и приходилось выживать как придется. Глядишь, к концу летнего зноя как раз и управятся.

Шэнь Нянь прибрал на столе и снова вышел на улицу.

Старики, сидевшие на лавочках в тени домов, заулыбались и принялись наперебой расспрашивать его о делах. Одни интересовались, сделал ли он домашку, другие — скоро ли в школу, а кто-то спросил:

— Слыхали, отец тебе братишку везет? Правда, что ли? Когда приедут-то?

После вопроса дедушки Чжана в шумном Тростниковом переулке внезапно воцарилась тишина. Лишь в кронах деревьев без умолку трещали цикады да мерно шуршал пальмовый веер в руке старика.

— Ну и чего ты лезешь, старик Чжан? Какое тебе дело до чужих забот? Вечно ты нос не в свои дела суешь! — подала голос бабушка Цинь, жившая в самом конце переулка. — То-то тебя дети навещать не хотят. Слишком уж ты болтлив, слушать тошно. Сяо Нянь, милый, не обращай на него внимания.

— Это кто тут болтливый?! Да что ты вообще понимаешь, карга дряхлая! Моим детям некогда, они в городе делом заняты, деньжищи гребут! А вот к тебе точно за весь год ни одна живая душа не заглянет!

Старик Чжан и бабушка Цинь снова сцепились в привычной перепалке. О Шэнь Няне тут же забыли, да и сам он не спешил вмешиваться. Такие сцены разыгрывались в переулке годами и давно превратились в обязательную программу каждого вечера.

Но старик Чжан не ошибся. Отец, Шэнь Чуншань, действительно собирался привезти в дом ребенка. Он уехал за ним сегодня утром, и, судя по времени, они должны были вот-вот вернуться.

Шэнь Нянь стоял у входа в лавку под большим разноцветным зонтом.

«Интересно, каким окажется этот мальчик? — думал он. — Поладим ли мы?»

Да и какая, в сущности, разница. Жить им теперь все равно под одной крышей.

Шэнь Чуншань работал дальнобойщиком и большую часть года проводил в рейсах. Шэнь Нянь видел его редко. Однако месяц назад отец внезапно вернулся домой. С ним явно что-то произошло: он выглядел подавленным, уходил спозаранку и возвращался поздно ночью. А если выдавался свободный день, просто сидел во дворе, уставившись на заросшую диким виноградом стену. Шэнь Няню приходилось звать его по несколько раз, прежде чем тот отзывался.

Так продолжалось недели две, пока отец наконец не признался, что его лучший друг погиб. У того остался десятилетний сын, которого некому было забрать. Отец решил привезти мальчика к себе.

Шэнь Нянь удивился, но возражать не стал.

«Ты ведь почти не бываешь дома, — хотелось ему спросить. — Если ты заберешь ребенка, кто вообще станет о нем заботиться?»

Однако он смолчал. Он чувствовал, что просто не имеет права задавать такие вопросы.

В три-четыре часа дня солнце палило нещадно. Даже под зонтом дышать было нечем, воздух казался раскаленным. На пустой дороге у горизонта никто не появлялся. Отец мог задержаться, и Шэнь Нянь уже подумывал вернуться в дом.

Но до него долетал досужий треп соседей. Если он пойдет обратно, то снова окажется в центре внимания.

А этого ему совсем не хотелось.

— Сяо Нянь!

Голос прервал его размышления. Шэнь Нянь обернулся и увидел Лян Цю, который во весь опор неся к нему на велосипеде, отчаянно размахивая рукой.

Подлетев ближе, тот лихо заложил крутой вираж. Опасаясь, что приятель не справится с управлением и сшибет его, Шэнь Нянь благоразумно отступил на шаг.

— Ну как, круто? — Лян Цю затормозил перед ним и хвастливо вздернул подбородок.

Шэнь Нянь едва заметно улыбнулся:

— Сойдет.

— И чего ты тут торчишь? — Лян Цю огляделся по сторонам, оценивая пустынную улицу. — Витамином D запасаясь?

Шэнь Нянь лишь тихо хмыкнул. Лян Цю не стал настаивать на расспросах — они дружили с самого детства, и он прекрасно знал характер друга. Сделав шаг вперед, он бесцеремонно сгрел Шэнь Няня за шею:

— Ладно, не хочешь — не говори. Пошли, я угощаю чем-нибудь холодненьким.

В лавке с прохладительными напитками тоже не было света. Автомат не работал, так что об обычном мягком мороженом пришлось забыть. В итоге они взяли две бутылки газировки. Продавец божился, что они из холодильника, но на ощупь стекло было едва прохладным. Лян Цю совсем приуныл:

— Знал бы, позвал бы тебя к себе. Как же меня достали эти трущобы!

«Трущобами» он называл место, где сам прожил без малого десять лет. Лишь три года назад дела у его отца пошли в гору — тот буквально в один миг разбогател, и семья переехала в благоустроенный городской район. Но Лян Цю все равно часто приезжал обратно. Если бы не бесконечные отключения света, он бы ни за что не стал ругать родные края.

В помещении было душно, снаружи — невыносимо пекло. Лян Цю примостился прямо на пороге лавки, так что половина его тела оставалась в прохладе зала, а вторая грелась на солнце.

— Ты домашку на лето сделал? — спросил он.

Шэнь Нянь перевел на него взгляд. На лице Лян Цю блуждала заискивающая улыбка. Юноша вздохнул с притворной обреченностью:

— Опять списывать собрался?

Лян Цю тут же вскочил, подошел поближе и снова приобнял друга за плечи, заискивающе заглядывая в глаза:

— Мы с матерью уговорились: если я за три дня разделаюсь с этой писаниной, она купит мне тот горный велик, о котором я мечтал. Ну выручи, а? Сам же знаешь, учусь я нормально, к экзаменам всегда серьезно готовлюсь. Просто домашку эту делать — лень смертная.

И то была правда. Шэнь Нянь не стал упрямиться. приятели допили теплую газировку под палящим солнцем и неспешно побрели обратно. Старейшины в переулке все еще сидели на своих лавочках, но тему разговора уже сменили. Шэнь Нянь вежливо поздоровался с соседями и провел друга во двор. Стоило им скрыться за дверью, как досужие кумушки снаружи вновь принялись перемывать кости семейству Шэнь.

Сделав вид, что ничего не слышит, Шэнь Нянь зашел в свою комнату, достал тетради с летними заданиями и протянул их Лян Цю. Тот с сияющим видом принял стопку, бросил взгляд на окно и спросил вполголоса:

— Дядя Шэнь и правда ребенка везет?

— Да, — кивнул Шэнь Нянь. — Сегодня должен забрать.

— Слушай, но твой отец и так вечно в разъездах. Повесить на тебя еще одного ребенка — это же чистой воды обуза! А твоя мать... она вообще в курсе? Согласилась?

Шэнь Нянь молча посмотрел на него. Лян Цю осекся, запоздало осознав свою оплошность.

— Твоя мама...

— Она мне не звонит, — просто ответил Шэнь Нянь.

Шэнь Чуншань и Ю Сяюэ развелись три года назад, даже не потрудившись сообщить сыну. Шэнь Нянь узнал обо всем, лишь когда вернулся однажды из школы и обнаружил, что из дома исчезли все вещи матери. Тогда отец коротко бросил ему: «Мать ушла. Теперь будем жить вдвоем».

С тех пор Шэнь Нянь ни разу ее не видел. Ю Сяюэ ни разу не приехала навестить его, ни разу не набрала его номер. Она словно напрочь забыла, что у нее есть сын.

Впрочем, даже если бы они общались, вряд ли ее мнение что-то изменило бы. Когда она жила с ними, Шэнь Нянь ее тоже мало интересовал.

Лян Цю замялся, не зная, как сгладить неловкость. Хотя они и были не разлей вода, в характере друга оставалось то, чего он никак не мог взять в толк. Например, откуда в четырнадцатилетнем мальчишке столько недетского хладнокровия и взрослой рассудительности. Почему он совершенно спокойно переносит многомесячные отлучки отца и почему так безропотно согласился принять чужого ребенка.

— Шэнь Нянь, — Лян Цю посерьезнел. — Иногда мне кажется, что ты не считаешь меня настоящим другом.

Тот удивленно приподнял брови:

— С чего ты взял?

— Ну а как! Я тебе доверяю абсолютно все, ты даже знаешь, в какие дни у меня запоры случаются, — заворчал Лян Цю. — А ты вечно держишь все в себе, будто у тебя куча тайн.

Шэнь Нянь не выдержал и рассмеялся:

— Лян Цю, а тебе не приходило в голову, что мне вовсе не обязательно знать такие интимные подробности твоей пищеварительной системы?

Лян Цю лишился дара речи.

Он только собрался возразить, что это совершенно разные вещи, как с улицы донесся многоголосый шум.

— Ой, Чуншань вернулся! Да никак на грузовичке приехал? Что это ты там такое ценное везешь?

— А это, видать, тот самый малец, про которого ты в комитете сказывал? Глядите, какой ладный, сразу видать — городской. Настоящий ангелочек!

Шэнь Нянь и Лян Цю поспешили во двор. Напротив ворот останавливался небольшой пикап. Шэнь Чуншань прыгнул на землю прямо из кузова, обошел машину и распахнул дверцу кабины со стороны пассажира. Протянув руки, он бережно высадил на дорогу маленького мальчика. Малыш, напуганный толпой незнакомых людей, испуганно сжался. Стоило его

ногам коснуться земли, как он тут же спрятался за Шэнь Чуншаня, крепко ухватившись за его пояс и уткнувшись лицом ему в спину.

Отец мягко погладил Гу Чжи по волосам. На душе у него явно было радостно. Он повернулся к двум рабочим, приехавшим вместе с ним в кузове:

— Спасибо вам большое. Вот этот дом. Прошу вас, заносите.

Соседи, в большинстве своем малограмотные старики, с любопытством вытягивали шеи. Кто-то выкрикнул:

— Чуншань, так что в коробках-то?

— Кондиционер, — улыбнулся Шэнь Чуншань. — Мальчик городской, к нашей духоте не привык. Боюсь, изнывать от жары будет.

— Ого, — подал голос дедушка Чжан, и в его тоне скользнула ядовитая усмешка. — Еще только привез, а уж как печешься о нем. Что-то я не помню, чтобы ты Сяо Няня так баловал.

В те годы кондиционеры в их районе оставались непозволительной роскошью. В Тростниковом переулке это и вовсе была первая подобная техника.

Грузчики работали споро. Пока соседи расспрашивали Шэнь Чуншаня, они уже сгрузили тяжелые картонные коробки на землю. Шэнь Нянь стоял у калитки и посторонился, пропуская их во двор. И в этот момент до его ушей долетел спокойный голос отца:

— Сяо Нянь у меня к жару привычный.

Лян Цю тут же украдкой глянул на друга. Однако Шэнь Нянь даже бровью не повел. Словно не заметив этого взгляда, он подошел к отцу и негромко произнес:

— Папа.

Шэнь Чуншань обернулся и тепло улыбнулся сыну:

— О, Сяо Нянь, ты дома? Вот и отлично. Знакомься, это Гу Чжи. С сегодняшнего дня он будет жить с нами.

Шэнь Нянь перевел взгляд на ребенка за спиной отца. Лица по-прежнему не было видно — только худенькие, совсем бледные ручонки мертвой хваткой вцепились в отцовскую куртку. Шэнь Чуншань слегка развернулся и ласково зашептал, уговаривая мальчика:

— Сяо Чжи, не бойся. Выгляни, посмотри на брата. Это тот самый Шэнь Нянь, про которого я тебе рассказывал. Мы с ним будем заботиться о тебе.

Малыш явно доверял отцу и, согретый его мягким тоном, послушно разжал пальцы. Из-за широкой спины Шэнь Чуншаня показалась взъерошенная макушка. Мальчик несмело посмотрел на Шэнь Няня своими огромными глазами и, вежливо склонив голову, тихо произнес:

— Брат Няньнянь...

<http://bllate.org/book/20601/2105877>